

нии и Омской области, где имелись свои особенности, нет комплексного, научно обоснованного исследования истории антисемитизма на территории Сибири. Большинство исследований по данному направлению носят популярный характер и не отражают реальной картины, не подтверждаются достоверными историческими фактами. Обозначенные направления требуют дальнейшего научного исследования.

1. История евреев в России. Проблемы источниковедения и историографии.: Сборник научных трудов / Отв.ред Д.А. Эльяшевич. СПб, 1993. С.27-28.
2. Рабинович В.Ю. Евреи дореволюционного Иркутска как предпринимательское меньшинство: Дис. ... канд. истор. наук. Иркутск, 1998.
3. Кальмина Л.В. Еврейская община Западного Забайкалья 60-е годы XIX века – февраль 1917 : Дис. ... канд. истор. наук. Улан-Уде, 1998.
4. Савиных М. Н. Политика российского самодержавия в отношении сибирских евреев в 19 – начале 20 вв. М., 1997.
5. Романова В.В. Государственная политика в отношении еврейского населения Дальнего Востока России в 60-е гг. XIX – 20 – е гг. XX вв.: Дис. ... докт. истор. наук. Хабаровск, 2001.

Побережников И.В. (Екатеринбург)

Типологические схемы в изучении политической модернизации

Исторические системы формируются постепенно, изменяются *с течением времени*, то медленно, то быстро, то эволюционно, то взрывообразно. Это относится и к их развитию в пространстве. Зарождаясь в определенном месте, исторические системы, разрастаясь или сжимаясь, взаимодействуют с другими объектами (системами) *в историческом пространстве*, становятся взаимосвязанными, причем интенсивность направлений развития данных взаимосвязей может существенно варьировать (1). Время и пространство, таким образом, выступают в качестве взаимосвязанных измерений исторического процесса. Показатель *время* фиксирует исторические изменения. Параметр *пространство* выступает в качестве критерия территориальной дифференциации исторического процесса. В принципе, оба измерения отражают вариативность (временную и пространственную) исторической динамики. В целом время и пространство образуют систему координат, в которой разворачивается исторический процесс.

Современная наука, изучающая прошлое, разработала разные подходы, которые демонстрируют различное отношение к этим фундаментальным измерениям. Широкое распространение получило представление, согласно которому в качестве наиболее значимой выступает временная характеристика истории. Сторонники данной точки зрения основное внимание уделяют историческим изменениям во времени, т.е. темпоральной дифференциации истории. Подобный подход послужил основой для формулирования множества теорий, базирующихся на идее

принципиального единства прошлого. Историческая дифференциация в рамках данного направления научной мысли обычно раскрывается в схеме прогресса, движения от примитивных к более сложным, совершенным формам социального бытия. В контексте указанного подхода неоднородность исторических объектов в большей степени объясняется их привязкой к различным моментам потока исторического времени. Сторонники данного подхода полагают, что исторический процесс подчиняется единым, универсальным закономерностям и осуществляется по сходным механизмам.

Именно такой подход был заложен в основание классической модернизационной теории (2), сторонники которой акцентировали свое внимание на внутренних, эндогенных механизмах развития. Общества, согласно их представлениям, различаются в зависимости от того, насколько далеко они продвинулись вдоль единой для всех линии развития (прогресса). Одни общества оказываются более развитыми, продвинутыми, другие — менее развитыми. При этом, по логике сторонников данного подхода, последние по мере своего развития должны проходить стадии, уже пройденные первыми обществами; предполагалось, что со временем различия, существующие между ними, будут стираться.

Проблема многообразия человеческого опыта модернизации нашла отражение в типологических схемах, предложенных специалистами. Лежащее в основе типологического подхода сопоставление исторических объектов с целью идентификации общих и особенных черт осуществлялось различными способами. Наибольшее распространение получили: 1) выявление общих стадий или фаз модернизации; 2) определение маршрутов, которыми могли двигаться конкретные общества; 3) выявление стадийно-пространственных групп (типов) модернизирующихся стран путем комбинации «вертикальных» и «горизонтальных» классификационных категорий.

Рассмотрим ставшую классической попытку типологии политической модернизации на основе последнего способа, которую предпринял Сирил Блэк в работе «Динамика модернизации», впервые изданной в 1966 г.

Признавая продуктивность рассмотрения модернизации как универсального процесса, С. Блэк, тем не менее, отмечает, что подобный подход в значительной степени обесценивается существенной вариацией в решении модернизационных проблем, которую демонстрируют конкретные общества. В качестве компромисса между обобщающими построениями, базирующимися на анализе агрегированного массива всех обществ, и исследованиями процессов модернизации в каждом отдельном обществе ученый предлагает исследовать основные типы модернизационных изменений.

«Не существует двух обществ, которые модернизировались бы одним и тем же путем, — подчеркивает С. Блэк, — нет двух обществ, обладающих аналогичной базой ресурсов, навыков, идентичным наследием традиционных институтов; невозможно найти двух обществ, находящихся в одной точке развития, использующих одинаковую модель лидерства или абсолютно схожую политику модернизации. Тем не менее, возможно выделить типы обществ, не теряя из виду индивидуальности каждого из них, внутри которых проблемы решались сходным образом и проводилась близкая политика модернизации» (3).

Временное измерение процессов модернизации находит отражение в выделяемых С. Блэком «критических проблемах», с которыми сталкиваются все модернизирующиеся общества: 1) *вызов modernity* — первоначальное столкновение традиционного общества с современными идеями и учреждениями, появление сторонников modernity; 2) *консолидация модернизаторских элит* — переход власти от традиционалистских к лидерам современного типа в ходе обыкновенно ожесточенной революционной борьбы, часто продолжающейся на протяжении жизни нескольких поколений; 3) *экономическая и социальная трансформация* — экономический рост и социальные преобразования, способствующие преобразованию общества из преимущественно сельского с аграрной экономикой в городское и индустриальное; 4) *интеграция общества* — полная реорганизация социальной структуры под воздействием экономических и социальных преобразований (4). По существу, С. Блэк, рассуждая о проблемах, имеет в виду временные вехи — фазы модернизации.

Следующим шагом становится идентификация критериев, позволяющих определять стадию, проходимую конкретным обществом. Фактически, речь идет собственно о критериях типологизации. В качестве таковых С. Блэк предлагает использовать следующие параметры: 1) время перехода политической власти от традиционных к модернистским лидерам относительно других обществ (ранее или позднее); 2) эндогенная или экзогенная природа непосредственного политического вызова со стороны современности традиционалистским лидерам; 3) непрерывность или кардинальные перегруппировки территории и населения на протяжении эпохи modernity; 4) суверенность или продолжительные периоды колониального управления в истории общества; 5) наличие на момент вступления общества в современную эпоху развитых институтов, готовых в значительной степени адаптироваться к функциям modernity, или отсутствие по существу подобных институтов и необходимость их заимствования от более развитых современных обществ (5).

Целью типологии на основе выделенных С. Блэком критериев является, таким образом, сопоставление обществ в соответствии с характерными политическими проблемами, с которыми сталкивались модернист-

ские лидеры в процессах аккумуляции власти и осуществления собственных программ, и группировка стран в типы по степени сходства в решении ими указанных проблем.

Предложенные критерии, по мнению С. Блэка, связаны с аспектами исторического развития, строительства наций, международных отношений. В то же время, как полагает исследователь, классификация, осуществляемая на основе использования указанных критериев, в существенной степени учитывает культурные, экономические, социальные измерения истории, так как хронологическая сопряженность и акцент на источники и природу модернизационных импульсов обеспечивают группировку схожих стран. Так, С. Блэк отмечает, что для рано модернизовавшихся западноевропейских стран и их филиалов характерны в целом более высокий уровень валового национального дохода на душу населения, урбанизации и образования, более высокий удельный вес населения, занятого не в сельском хозяйстве, более высокая степень социальной мобилизации по сравнению со странами поздней модернизации. Вообще, как считает С. Блэк, время вступления в современную эпоху (раннее или позднее) обыкновенно отражается на уровнях экономического и социального развития соответствующих стран (6).

На основе использования двух классификационных шкал (фазы решения кардинальных проблем и критерии сравнения) С. Блэк выделяет «семь типов политической модернизации» среди современных ему обществ.

В первый тип политической модернизации С. Блэк включает Великобританию и Францию как страны самой ранней модернизации, в значительной степени создавшие образцы перехода от традиционности к современности для всех других обществ (7). Исследователь обращает внимание на приоритет обеих стран в разработке теории и практики передачи политической власти от традиционалистских к модернистским лидерам, на революционный характер этого процесса, присущий как Англии, так и Франции, переживших в XVII—XVIII вв. революции с несомненным модернизационным потенциалом.

В качестве особенности Французской революции С. Блэк отмечает ее широкое, значительно превосходящее в этом плане Английскую революцию, идеологическое и институциональное воздействие на многие страны мира. Французские идеи и институты, как он показывает, внедрялись в странах Северной, Центральной, Южной Европы, завоеванных Наполеоном; французская модель республиканского устройства заимствовалась модернистскими лидерами как исламского мира, так и Латинской Америки; общества Юго-восточной Азии и Африки, оказавшиеся в колониальной зависимости от Франции, также в большинстве своем ориентировались на французскую модель политического устройства; косвенными проводниками французского влияния в своих колониях в

Азии и Африке стали также Голландия и Бельгия. Якобинство, по мнению С. Блэка, выступая в XX в. в качестве главной альтернативы революционной доктрине марксизма-ленинизма, оказало воздействие на таких революционных лидеров как Ататюрк, Насер, Бен Белла на Ближнем Востоке, Сун Ят-сен, Неру и Сукарно в Азии, Карденас и ранний Кастро в Латинской Америке.

В качестве характерных особенностей стран первого типа, отличающих их от других обществ, С. Блэк выделяет также ярко выраженную внутреннюю природу вызова современности, высокую степень континуитета состава территории и населения в эпоху *modernity* и оптимальную адаптивность традиционных институтов к модернистским функциям.

Общность судеб стран ранней модернизации нашла, по мнению ученого, проявление в ряде следствий. В частности, как отмечает С. Блэк, и для Великобритании, и для Франции были характерны замедленные, по сравнению со странами поздней модернизации, темпы адаптации традиционных институтов к функциям современного общества, несмотря даже на революционные перевороты и эпохи реставрации, которые переживали обе страны, причем Франция — в гораздо более драматической форме. Замедленные темпы модернизационных трансформаций в совокупности с их преимущественно эндогенной обусловленностью и незначительностью внешних заимствований обусловили, по мнению С. Блэка, относительно организованную и мирную адаптацию традиционных институтов к современным функциям.

Сходство между Великобританией и Францией обнаруживается также в механизмах становления современного политического руководства, которые отличались, как считает историк, относительно эволюционным характером и устойчивостью преобразований, осуществлявшихся на протяжении жизни многих поколений высоко квалифицированных государственных служащих.

В качестве второго типа политической модернизации С. Блэк рассматривает «филиалы» Великобритании и Франции в Новом Свете (8). Термин «филиал» исследователь употребляет для обозначения стран, которые были заселены жителями Старого Света, составившими политически и культурно доминирующие совокупности населения в новых обществах. Эти «ответвления» обычно возникали как зависимые от метрополий колонии, но в отличие от других колоний доминирующее население в них по этнонациональному составу было схожим с населением метрополии. Ко второму типу С. Блэк относит такие страны как США, Канада, Австралия и Новая Зеландия.

Поскольку ведущее население указанных стран сформировали выходцы из метрополий до XVII в., постольку для указанных стран, как и для стран первого типа, как полагает С. Блэк, непосредственный полити-

ческий вызов modernity также выступал в качестве внутренней проблемы. Кроме того, общества второго типа вступали в эпоху современности с развитыми институтами, способными адаптироваться к функциям современности.

Однако, по ряду параметров С. Блэк отличает общества второго типа от стран первого. Дело в том, что переход политической власти от традиционалистских к модернистским лидерам осуществлялся в странах второго типа несколько позднее и при других условиях, они подвергались фундаментальным перегруппировкам состава территорий и населения и переживали длительные периоды колониального управления.

В этих обществах, отмечает историк, переход политической власти к модернистским лидерам был связан с достижением политической независимости. Приобретение политической независимости странами второго типа обуславливалось отличиями их интересов от интересов метрополий, удаленностью от метрополий, большими размерами территорий и высокой населенностью.

Борьба между традиционалистскими и модернистскими лидерами приобрела наиболее драматичную форму в США, где она, как принято считать, продолжалась с 1776 по 1865 г. и включила Войну за независимость и Гражданскую войну, которые сопровождались масштабным применением насилия и большими жертвами. Процессы модернизации в Канаде, Австралии и Новой Зеландии С. Блэк характеризует как более эволюционные и менее насильственные. Он указывает также на большую гомогенность населения указанных обществ и более тесную экономическую связанность последних со страной-метрополией. Следствием этого стал, как считает исследователь, более длительный срок достижения самостоятельности (когда рост населения и диверсификация экономики позволили этим обществам приступить к формированию независимого политического курса). Применительно к Канаде данный процесс датируется 1791—1867 гг.; к Австралии — 1809—1901 гг., к Новой Зеландии — 1826—1907 гг. (предельная дата в каждом случае означает достижение статуса доминиона).

Существенную особенность данной модели политической модернизации С. Блэк усматривает в том, что эти общества «оставили традиционную социальную структуру в родительских странах» (9). Страны второго типа, отмечает ученый, предприняли процесс экономической и социальной трансформации не на основе долго формировавшейся социальной структуры, состоявшей из относительно замкнутых страт крестьян, ремесленников и землевладельцев, а на основе подвижной социальной структурой, которая была намного больше подготовлена к изменениям. Эта социальная подвижность была существенно усилена наличием

обширных и неосвоенных пограничных регионов, где в избытке были представлены земля и другие ресурсы, а власть государства была слаба.

С. Блэк обращает особое внимание на значение для развития стран второго типа доступных пограничных областей, которые служили не только источником богатства, но также и клапаном для разрядки социальных проблем более плотно заселенных регионов. Личности и группы, которые считали себя незаслуженно обиженными, которые не сумели обеспечить себе удовлетворительных условий существования или мечтали культивировать нетрадиционные представления, как отмечает историк, имели возможность переселиться в пограничные области вместо того, чтобы пытаться найти компромисс или понести возможное поражение на прежнем месте жительства.

С. Блэк указывает и на ряд проблем, создаваемых фронтиром. Наиболее существенную он видит в том, что избыточные ресурсы не могли быть разработаны без дополнительной рабочей силы. Большой же приток иммигрантов, в свою очередь, создавал проблему ассимиляции, которая наиболее критические очертания приобрела в Соединенных Штатах, в то время как в трех других странах в силу сложившихся обстоятельств иммиграция имела более постепенный и гомогенный характер.

Подытоживая характеристику стран второго типа, автор отмечает: «К 1930-м гг., когда общества второго типа столкнулись с политическими проблемами социальной интеграции, они уже превосходили страны Европы по уровню развития и считались самыми богатыми и влиятельными в мире. Они извлекли выгоду не только из обширных ресурсов Нового Света и из своей относительной географической изоляции, которая позволяла им концентрировать энергию на внутренних делах, но также из развитых либеральных институтов, унаследованных от Старого Света, и от миллионов квалифицированных и энергичных людей, которые прибыли в поисках удовлетворительного образа жизни» (10).

В третий тип политической модернизации С. Блэк включает общества Европы, в которых консолидация модернистского руководства произошла после Французской революции под прямым или косвенным воздействием ее импульса (11). Эти общества были вынуждены адаптировать свои политические институты к современным функциям позднее Великобритании и Франции. В их истории были длительные периоды насильственной перегруппировки территорий и состава населения. Эти общества в современную эпоху преимущественно принадлежали к числу самостоятельных, хотя некоторые народы Восточной Европы, а также Ирландии и Исландии первоначально находились под чужеземным господством, в некоторых отношениях напоминая колониализм. Подобно обществам первых двух типов, эти страны также создали еще в

традиционалистскую эпоху институты, способные адаптироваться к функциям современности.

Существенно, что многие из европейских обществ участвовали в течение нескольких столетий в развитии модернистских идей и институтов, конкурировали и даже в чем-то могли превосходить Великобританию, Францию или страны Нового Света. «Навигационные знания испанских и португальских мореплавателей; коммерческие навыки голландских, венецианских и далматинских торговцев; достижения ученых польского, чешского, венгерского, немецкого происхождения; ученые, художники, механики этих разнообразных обществ — и многие другие, — пишет С.Блэк, — внесли вклад фундаментальной значимости в формирование современного образа жизни» (12).

С. Блэк подчеркивает решающее влияние французской модели на политическую модернизацию обществ третьего типа. Крах старых режимов начался не ранее 1795 г. в Бельгии, Люксембурге и в Нидерландах, 1798 г. — в Швейцарии и только в первом десятилетии XIX столетия — в Германии, Италии, Дании, Норвегии и в Швеции.

В этих странах, по мнению С. Блэка, можно говорить о консолидации модернистского политического лидерства между 1839 для Нидерландов и 1871 г. для Германии и Италии. В Восточной Европе политическая модернизация началась даже позже и не была завершена до ликвидации империй в период Первой Мировой войны. Консолидацию модернистского политического руководства в странах третьего типа С. Блэк характеризует не только решающим влиянием иностранных моделей, нередко навязываемых силой оружия, но также длительным и трудным процессом строительства наций.

Лишь немногие традиционалистские государства, как отмечает исследователь, пережили этот процесс без деконструкции. Наиболее сложная территориальная и политическая перестройка была осуществлена в Священной Римской империи, земли которой неоднократно подвергались реорганизации, пока к 1871 г. не удалось достичь относительной стабильности. Насильственным характером отличался распад Оттоманской и Габсбургской империй, народы которых постепенно приобретали независимость в результате войн, революций, дипломатии.

Помимо множества фундаментальных различий между обществами третьего типа, заключающихся в традиционалистском институциональном наследии, в исторических особенностях политического руководства, они обладали и общей характерной чертой, которая состояла в огромной концентрации усилий на процесс строительства нации. В значительно большей степени, чем это было в Великобритании и Франции, а также в их «филиалах» в Новом Свете, энергия политических лидеров, ресурсы народов стран третьего типа направлялись на защиту недавно приобре-

тенных границ и подготовку к освобождению смежных или связанных территорий, еще находящихся под чужеземным управлением. В Центральной Европе относительная и довольно сомнительная стабильность была достигнута к 1871 г., в то время как в более восточных регионах костер национализма продолжал тлеть, пока не разгорелись большие пожары 1914—1918 и 1939—1945 гг. Хотя национализм был только средством для достижения самоопределения, призванного обеспечить условия для модернизации без дискриминации со стороны чужеземных администраций, для многих поколений он стал целью сам по себе.

Наиболее быстрая стадия экономической трансформации в обществах третьего типа имела место в конце XIX — первой половине XX в. Швейцария и Германия столкнулись с проблемами социальной интеграции в 1930-е гг., а ряд других стран данного типа достигли этой стадии лишь после Второй мировой войны.

В четвертый тип политической модернизации С. Блэк включает «филиалы» европейских обществ третьего типа в Новом Свете (13). Эти общества отличаются от обществ второго типа, также созданных преимущественно иммигрантами из Старого Света. Кроме различий в ресурсных базах, в навыках, для обществ четвертого типа характерен более поздний переход к модернизации, гораздо большая зависимость от иностранных влияний, в особенности со стороны тех обществ третьего типа, которые были склонны уделять меньшее внимание модернизации.

Достижение национальной независимости в Латинской Америке обычно завершалось не приходом к власти модернистских лидеров, а установлением неоколониалистских форм правления, которые имели тенденцию увековечивать традиционалистские модели жизни. Даже в странах, населенных преимущественно выходцами из Европы (например, в Аргентине, Коста-Рике, Уругвае), позиция модернистских лидеров не была консолидирована на протяжении почти целого столетия, прошедшего после их освобождения. Частично С. Блэк объясняет это аграрной специализацией данных стран, тормозившей урбанизационные процессы, а также, в большей степени — доминирующими ценностями политически активного населения. Декларации национальных целей и формы правления, которое оно устанавливало, базировались на либеральной европейской модели; риторика в значительной степени копировала таковую Французской революции. Но по своему содержанию эти политические институты лишь спустя длительный период времени стали походить на модернистские.

Политическая модернизация в большинстве латиноамериканских стран жестко блокировалась в связи с тем, что жители европейского происхождения составляли в них меньшинство и не желали делить политическую власть с метисами и индейцами, а в некоторых случаях — с

иммигрантами из Африки, которые формировали большинство населения. Ситуация в обществах четвертого типа в этом плане, как отмечает С. Блэк, существенно отличалась от таковой в Соединенных Штатах, например, где численность индейцев была незначительна, а африканцы составила около 10% населения.

В большинстве же латиноамериканских обществ, напротив, численное доминирование неевропейского населения выступало причиной блокирования расширения эффективного гражданства и вело к растущему расколу между немногочисленными богатыми жителями европейского происхождения и массой относительно бедного полу- или неевропейского населения. Социальные эффекты этого раскола были усилены практикой вложения капиталов доминирующим меньшинством скорее за границей, чем внутри страны.

Пятый тип политической модернизации, согласно схеме С. Блэка, образуют те общества, которые модернизировались без прямой внешней интервенции, но под косвенным влиянием обществ, которые модернизировались ранее (14). В состав данного типа Блэк включает Россию, Японию, Китай, Иран, Турцию, Афганистан, Эфиопию и Таиланд.

Для всех указанных стран общим является тот факт, что их традиционные правительства оказались достаточно эффективными благодаря длительному опыту централизованного бюрократического управления в противостоянии попыткам навязать прямое и всестороннее иностранное управление.

В отличие от большинства других общества пятого типа осуществляли модернизацию по существу по собственной инициативе и с сохранением в значительной степени состава территории и населения. Способность этих обществ сохранять независимость С. Блэк объясняет различными обстоятельствами. Для Китая, Ирана и Турции, например, по его мнению, ведущее значение имело своего рода равновесие сил (или, иначе говоря, противоречия между более модернистскими конкурентами). Недоступность и изоляция играли существенную роль в деле сохранения независимости в истории Афганистана, Эфиопии и Таиланда. Россия же и Япония, по мнению автора, защищали свою независимость преимущественно благодаря собственной военной мощи.

Одна из наиболее устойчивых характеристик обществ пятого типа заключается в том, что они создали территориальную и демографическую основу своих государств задолго до столкновения с вызовом современности. Перед этими обществами не стояло проблем борьбы против прямого чужеземного господства, колониализма. Все они до некоторой степени испытывали иностранное вмешательство в эпоху *modernity* — периоды иностранной оккупации отдельных территорий указанных государств, льготные условия для иностранцев в форме капитуляций

(неравноправных договоров, фиксирующих привилегированный режим для иностранцев), широкая зависимость от иностранных займов и советников. Эти формы иностранного вмешательства, иногда зависимости, С. Блэк, тем не менее, склонен отличать от покорения и прямого и продолжительного иноземного контроля в виде колониализма. В группе обществ пятого типа непосредственно традиционалистские правительства (в России при московских царях и при императорах, в токугавской Японии, в цинском Китае, в Оттоманской Турции, в Персии при Каджарской династии, в Эфиопии при Теодросе и Менелике II и в Сиаме при правлении династии Чакри) брали на себя инициативу при столкновении с вызовом современности. Существенно при этом, что многими признается наличие множества соответствий с Великобританией и Францией в таком аспекте как непрерывность и постепенность перехода от старых режимов к новым.

Традиционалистские элиты обычно инициировали программы ограниченной или защитной модернизации, разрабатывавшиеся для сохранения традиционного общества и защиты его от более интенсивных и радикальных изменений, которые могли бы последовать вследствие успеха иностранных или внутренних модернизаторов. К числу подобных модернизаций С. Блэк относит реформы Петра I и Николая I в России, поздних сёгунов династии Токугава, Махмуда II и Абдул-Меджида I, государственных деятелей позднецинского периода, Монкута и Чулалонгкорна в Сиаме, шаха Насира уд—Дина в Персии, императора Менелика в Эфиопии. Эти реформы, по мнению исследователя, были призваны обеспечить современные системы подготовки и снаряжения для бюрократии и армии, усовершенствовать транспортные средства и коммуникации, создать институты высшего образования. Для обучения приглашались иностранные специалисты, представители туземного населения выезжали за рубеж с целью приобретения современных знаний.

Но при этом существенной особенностью этих реформ было то, что они предназначались не для преобразования традиционной системы, но для ее укрепления. Аграрная экономика и образ жизни крестьянства, которое составляло более 4/5 всего населения, оставались практически незатронутыми ограниченной модернизацией, а элиты сохраняли свои традиционные привилегии. Подобными средствами удавалось по меньшей мере временно противостоять вызову более современных обществ, а переход к политическому руководству, способному поддерживать программы интенсивной модернизации, отсрочивался на поколения.

С. Блэк подчеркивает, что в странах пятого типа фундаментальный разрыв с прошлым осуществлялся не в результате революции, иностранной оккупации или национального восстания против чужеземного господства, но непосредственно традиционным руководством. Решающие

перестройки произошли в результате отмены крепостного права в России в 1861 г., свержения режима сёгуната в Японии в 1868 г., замены китайской классической системы современной системой подготовки бюрократии в 1905 г. и учреждения форм конституционного правления в Персии в 1906 г., в Османской империи — в 1908, в Афганистане — в 1923, в Эфиопии — в 1924 и в Сиаме — в 1932 г.

При этом, С. Блэк отмечает, что правящие элиты и бюрократия все же не могли бесконечно поддерживать модернизаторские инициативы. Лишь в Японии политическая власть модернистского руководства была консолидирована к 1945 г. без революционного ниспровержения династии. В других странах консолидация модернистских лидеров включала более радикальные перевороты (такие, как приход к власти Временного правительства в России в февраль—марте 1917 г., последовавшая затем большевистская революция в октябре—ноябре; цепь революций в Китае во главе с Сун Ят-сенем в 1911 г., Чан-Кай-Ши — в 1927 и Мао Цзедун — в 1949; революции, в результате которых были свергнуты действующие династии Мустафой Кемалем в Турции в 1923 г. и Реза-ханом в Персии в 1925 г.).

Более сотни независимых и зависимых обществ Азии, Африки, Америки и Океании, которые пережили периоды колониального управления, С. Блэк включает в шестой и седьмой типы (15). Шестой тип составлен из обществ, традиционные культуры которых были достаточно высоко развиты, что позволило им успешно взаимодействовать с такими более современными «опекунскими» обществами в процессе их адаптации к современным функциям. К шестому типу относятся общества, в которых утвердились ислам, индуизм и буддизм.

Общества, составляющие седьмой тип (ряд районов Африки к югу от Сахары и Океании), не разработали собственных достаточно развитых религий, систем письменности, политических институтов к тому времени, когда они столкнулись с вызовом современности. Ввиду отсутствия институтов и культур, которые можно было бы адаптировать к современным функциям, они были вынуждены напрямую заимствовать от более современных обществ модернистские идеи и учреждения.

В качестве общей черты обществ последних двух типов С. Блэк называет опыт колониализма, который в определенной степени стимулировал начальные стадии модернизации, вызов современности в традиционном обществе и одновременно блокировал следующие стадии — в частности, фазу консолидации политической власти модернистскими лидерами.

Общества шестого и седьмого типов в гораздо большей степени, чем общества второго и четвертого типов, по мнению С. Блэка, зависели от опекунской власти в процессе достижения политического единства.

Только в исключительных случаях они имели исторические основания для обретения статуса независимой государственности; их политическая конфигурация как колоний и позднее как независимых государств была в значительной степени обязана политическому авторитету опекунской власти, а не их собственной инициативе.

Схема типологического анализа С. Блэка оказалась весьма продуманной и плодотворной. Она способствовала развитию сравнительно-исторического и классификационного подходов в рамках модернизационных исследований, углубленному изучению как фаз, так и «горизонтальных» вариантов модернизации. Влияние данной схемы до сих пор сказывается на работах по проблемам модернизации, что подтверждает ее нерастрченный познавательный потенциал. Так, система критериев развития, разработанная современной исследовательницей В.Г. Федотовой (1) источник развития (внутренний и внешний); 2) органичность развития (первичное, под влиянием собственных потребностей, вторичное — связанное с преобладанием внешних «вызовов», ответ на них); 3) механизм развития (инновация, мобилизация усилий); 4) характер развития (самостоятельный, догоняющий Запад, догоняющий только его технико-экономический уровень, недогоняющий); 5) темпы развития (очень быстрые, быстрые, медленные, очень медленные); 6) наличие духовных, ментальных, культурных предпосылок; 7) образ будущего, к которому направлено развитие), может рассматриваться как развитие принципов, лежащих в основе критериальной системы С. Блэка, а ее интересная и содержательная классификация областей однотипного развития (западная цивилизация, состоящая из двух подтипов — американской и западноевропейской; цивилизации «второго эшелона» развития, т.е. «вторая» Америка (Мексика, Бразилия, Чили и др.) и «другая Европа»; новые индустриальные страны Юго-Восточной и Южной Азии; доиндустриальные цивилизации «третьего» мира; неразвивающиеся сообщества) обнаруживает некоторые параллели с типологией политической модернизации С. Блэка (16).

Признание возможности различных траекторий модернизации стимулирует выделение разнообразных исторических типов или моделей развития. Так, в рамках современного подхода демократия уже не считается феноменом, имманентно присущим модернизации, но рассматривается в ряду альтернативных последствий перехода от традиционности к современности, наиболее яркими и полярными примерами которых могут служить фашизм или коммунизм. Сам процесс политической модернизации также предстает в различных исторических ипостасях.

В одной из своих работ С. Хантингтон предпринял попытку типологизировать процессы политической модернизации (демократизации) на материале Западной Европы и Америки (17). Исследователь выделяет

три типа демократизации. Первый — так называемый линейный, который выводится из британского и шведского исторического опыта. В британском случае, как отмечает С. Хантингтон, демократизация постепенно развивалась от гражданских к политическим правам, к постепенному верховенству парламента и кабинетному правительству и, наконец, к возрастающему расширению избирательного права на протяжении столетия. Шведский вариант характеризуется им следующим маршрутом: 1) национальное единство; 2) длительная, так и незавершенная, не давшая окончательных результатов политическая борьба; 3) сознательное решение принять демократические правила; 4) наконец, привыкание к этим правилам.

Второй тип демократизации — циклический, в рамках которого имеет место постоянное чередование авторитаризма и демократии. Этот тип, как полагает С. Хантингтон, присущ многим странам Латинской Америки. В его рамках ключевые элиты обыкновенно признают законность демократических форм правления, время от времени проводятся выборы; но для этих стран длительная последовательность правительств, пришедших к власти через избирательный процесс, объявляется автором исключительной редкостью. Правительства становятся продуктом военного переворота так же часто, как и следствием выборов. В подобных «преторианских» ситуациях, как указывает Хантингтон, ни авторитарные, ни демократические учреждения не могут быть эффективно институционализированы. Стоит стране вступить на этот циклический путь чередования военного авторитаризма и гражданской демократии, и ей будет уже крайне сложно сломать этот цикл.

Третий тип демократизации, выделяемый С. Хантингтоном, — диалектический. В рамках данного типа развитие среднего городского класса ведет к растущему давлению на авторитарный режим с целью расширения политического участия и конкуренции. В некоторый определенный момент происходит смена существующего авторитарного режима демократическим. Оказывается, однако, что новый буржуазный режим не имеет возможностей управлять страной эффективно — вследствие этого нередко происходит свержение демократического режима и возвращение к авторитарной системе. В свою очередь, однако, авторитарный режим также терпит крах и происходит переход к устойчивой (длительной) демократической системе. Такая модель (диалектическая) характеризует, по мнению С. Хантингтона, опыт Германии, Италии, Греции и Испании.

Типология политической модернизации С. Хантингтона иллюстрирует важный сдвиг, произошедший в западном обществоведении, а именно осознание того факта, что исторический процесс не носит заданного характера, не является фаталистическим.

Тем не менее, общим для рассмотренных подходов является отношение к пространству как к своего рода второстепенному показателю. Именно временное измерение рассматривается как определяющее, конститутивное. Главным в типологических схемах политической модернизации остается определение стадийного качества исторического объекта. Общества идентифицируются как стадийные фрагменты более или менее универсального процесса. Законы функционирования сообществ в значительной степени привязываются к их стадийной, т.е. временной характеристике. Пространственные же аспекты по-прежнему выступают в качестве иллюстрации тезиса о всеобъемлющем процессе социального совершенствования. В целом проблема обоснования системы координат исторического процесса, балансирующего учета временных и пространственных измерений истории сохраняет прежнюю актуальность и нуждается в дальнейшей теоретической разработке. Данная проблема не сводится только к теоретическому поиску оптимального соотношения внутренних и внешних факторов исторического процесса. Нуждается в разработке и вопрос о механизмах, обеспечивающих взаимодействие между указанными факторами.

1. См.: Харвей Д. Модели развития пространственных систем в географии человека // Модели в географии. М., 1971. С. 237.
2. См.: Levy M.J. Modernization and the Structure of Societies. Princeton, 1966; Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960; Apter D. The Politics of Modernization. Chicago, London, 1965; Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. New York, London, 1965; Rostow D.A. A World of Nations. Washington, 1967. P. 36; Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975.
3. Black C.E. The Dynamics of Modernization. P. 95.
4. Ibid. P. 67—89.
5. Ibid. P. 96.
6. Ibid. P. 104.
7. Ibid. P. 106—110.
8. Ibid. P. 110—114.
9. Ibid. P. 112.
10. Ibid. P. 114.
11. Ibid. P. 114—116.
12. Ibid. P. 115.
13. Ibid. P. 117—119.
14. Ibid. P. 119—123.
15. Ibid. P. 123—128.
16. См.: Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 240—251; Она же. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 3—27; Она же. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. 2002. № 12. С. 3—21.
17. См.: Huntington S. Will More Countries Become Democratic? // Political Science Quarterly. 1984. № 99. P. 193—218.